

Юрий ЛЮБИМОВ:

Владимир НУЗОВ

«Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, их плетя».

Мой собеседник ни в каких обветшалых эпитетах не нуждается. Он — Юрий Петрович Любимов, основатель Театра на Таганке.

-Юрий Петрович, мы беседуем с вами в кабинете, на стенах которого остались автографы выдающихся политические деятели, артисты, ученые. Вы пишете книгу воспоминаний?

— Уже написал. Бог даст, выйдет через несколько месяцев. Называться она будет «Записки старого трепача».

— Не слишком легкомысленное название?

— А мне не хочется, чтоб было очень уж «сурьезно», я ведь бывший артист все же. Самое страшное, когда человек теряет чувство юмора, становится, как я выражаюсь, холодильником с гвоздями. Книжка будет мозаичной, но, надеюсь, нескудной.

— «Таганка» началась с «Доброго человека из Сезуана» Брехта. Известно, что у вас были неприятности и с этим стартовым спектаклем...

— Его запрещали еще в школе-студии, где я поставил спектакль со студентами своего курса. Начальство школы считало, что постановка формальна, что русской театральной школе она чужда. Не знаю уж, почему, может, из-за острого текста, особенно зонгов: «Шагают бараны в ряд. Бьют барабаны. Кожу для них дают сами бараны». Публика кричала: «Повторить, повторить!». Ректор школы перепугался: «Смотрите, что вы наделали!». Боялся, что школу закроют, его сняли — у страха глаза велики. Спектакль потом разрешили, потому что отзывы были хорошие. Меня сперва назначили в Театр Ленинского комсомола, а Эфроса — на Таганку, а потом произвели «рокировку» — решили загнать меня подальше.

— С Анатолием Васильевичем Эфросом судьба сводила вас потом не однажды.

«Наше стадо гонят в капитализм — такой же безумный, как социализм»

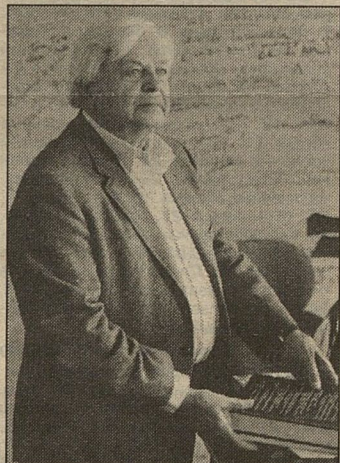

ФОТО ИТАР-ТАСС

— Он был замечательным режиссером — со своим вкусом, стилем, взглядами, со своей эстетикой. Он был надломлен властями. Они мало изменились: лица — те же, условия игры — другие, другие ставки, сроки, а лица — те же.

— Театр открылся в 64-м году. Когда с тех пор вам жилось спокойней всего?

— Когда мне удавалось сделать что-то приличное на сцене и на телевидении, то мне казалось: неплохо времена. Мы привыкли мыслить глобально — народами, эпохами. Я люблю говорить от своего имени и все рассматривать с точки зрения персоны. Для каждой персоны идут свои времена.

— Каковы ваши отношения с нынешними властями? Их отношение к театру?

— Сложный вопрос. Хорошо, что Юрий Михайлович Лужков помогает многим театрам, в том числе и нашему, хотя — меньше, чем другим. Театру был нанесен смертельный удар в спину, и он, в общем, закрылся. Но никто этого не заметил — такая эпоха. Хотя у этого театра были сотни тысяч, если не миллионы, горячих поклонников. А оказалось, когда беда наступила, что никого нет.

И поэтому нужно подходить к театру сейчас по-другому: выздоровеет он, окрепнет после этого ранения — хорошо. Когда было 60 лет со дня рождения Владимира Высоцкого, пришли те прекрасные люди, которые поддерживали театр всей душой. Их было много, они рассеялись по всему миру, а новое поколение другое, совсем другое.

— Чем все-таки это поколение отличается от того?

— Малое знание театра, традиций этого искусства, пробелы в знаниях, как будто черные дыры во Вселенной. Есть такие, которые никогда не слышали о Пушкине... Очень разные молодые люди. Одни выбегают выпить стопку или того похуже, прижать девушку где-то, а потом опять сесть смотреть и слушать, что там Федор Михайлович говорит (речь идет о последней постановке Любимова «Скотопригоньевск» — по «Братьям Карамазовым» — В. Н.), господин Мольер или доктор Живаго. Но они все-таки приходят, даже на «Медею» — с хорами, написанными Иосифом Бродским.

— Почему все-таки та публика, которая пришла сейчас на Высоцкого, ваши поклонники в те уже далекие годы, почему они вас, как вы сами сказали, предали?

— Слова «предали» я не говорил. Думаю, трудные времена сейчас для всех, кроме анекдотичных новых русских. Да и новые русские разные — есть те, кто серьезно подумывает о меценатстве. А не занимается подачками, иногда очень бестактными. Они еще не умеют ра-

Визави

зобраться, их надо образовывать в смысле искусства и культуры, этих нуворишей. А поколение мое, которое любило и поддерживало театр, оно очень трудно выживает, тяжело приспосабливается к жизни.

— Можно предположить, что ваши разногласия с советской властью были скорее эстетические, чем политические.

— В какой-то мере — да. Им, конечно, репертуар не нравился. Они все-таки закрыли «Высоцкого», «Бориса Годунова». Так же закрывали «Голого короля». Тоталитаристов всех времен и народов, как говорил товарищ Сталин, раздражает что-то им чужое и непонятное. Есть отторжение: если я не понимаю, я отторгаю — люди у нас самонадеянные и агрессивные. Я думаю, что на молодом рыночном поколении отразилось все тяжелое, скверное, то вымывание мозгов, которое происходило с нами. Мы — люди, зараженные этой странной системой. Она удивительно нивелирует всех.

— Губенко сказал, что недавно в Италии для того, чтобы решить какую-то проблему, вы обра-

как я работаю по сравнению с работой в Союзе, я отвечал, что работаю совершенно так же.

— Вы ориентируетесь, стало быть, на интуицию, а не на рынок?

— Я считаю, что в наш век надо приложить все усилия, чтобы делать вещи сердечные, то есть идущие от твоего сердца, от желания сказать то, что для тебя чрезвычайно важно. Великие режиссеры, такие, как Мейерхольд, говорили: «Делай каждый спектакль, как последний». Конечно, красота мир не спасет, но все равно по науке всякой — от древности до наших дней — считается, что избавляться от стрессов можно при помощи катарсиса, очищения. Иногда театр и дает такое очищение, которое способствует вашему здоровью. Наше огромное стадо гонят теперь в сто-

ФОТО ВЛАДИМИРА НУЗОВА

— С годами вы стали большим консерватором?

— В искусстве, я надеюсь, нет, а во взглядах на действительность — да. Государство должно более мудро относиться к вещам, которые невозможны, к профессиям врача, учителя, ученого, к людям искусства. У нас убогий прожиточный минимум. Я стараюсь этот минимум своим актерам повышать: организую гастроли, ищу спонсоров. Нам помогают. По «Братьям Карамазовым» помог банк «Славянский». Один из банкиров, господин Фельдман, оказался поклонником театра и дал деньги.

— Сегодня театр может существовать без дотации?

— У нас нет.

— Перед отъездом «туда» у вас закрыли два спектакля: «Борис Годунов» и «Владимир Высоцкий».

— Они увидели подтекст, эзопов язык. Я руками разводил оттого, что приходило в их больные головы. Когда умер Брежнев и пришел Андропов, им показалось, что он и есть самозванец. На это я мог ответить только: а что, Ярузельский по-

слал армию на Москву? И ее возглавил Андропов? Но спектакль все равно закрыли. Оказалось, черная куртка Самозванца напомнила им бушлат, а Андропов служил когда-то матросом. Больные головы. Я любил этот спектакль. Эта пьеса Пушкина почему-то считалась несценичной: гениальная пьеса для чтения. Все делали реверансы Пушкину, но публика на спектакли (в других театрах) ходила плохо. А у нас он идет до сих пор, мы объездили с ним полмира. Была найдена форма. Нынешнее поколение, кстати, пьесу воспринимает острее, ибо оно ее не читало.

— Вы со многими вождями были в конфронтации.

— С Хрущевым я не успел пересясть, потому что его сняли. Но мне кто-то сказал: «Что это у вас: принять, принять? Вы что, намекаете, что Никита Сергеевич неправильно говорит?». Я — им: «Пусть говорит правильно!».

— Я помню, по радио «Свобода» вы здорово копировали Леонида Ильича.

— Он меня два раза восстанавливал на работе. Наверное, любил театр, а скорее всего помощники попались хорошие: положили на стол письмо, подчеркнули место, которое надо прочесть. Хвалили ему спектакль «А зори здесь тихие». Он даже хотел с Никсоном приехать — посмотреть «Зори...» или «Гамлет». Поставили в моем кабинете мебель финскую, туалет сделали... Спасибо Леониду Ильичу.

— Ну а с Демичевым, Нилычем, не контактируете?

— Боже сохрани! Даже кто-то что-то пытался ему сейчас говорить обо мне, он отказался слушать, не хочет. Екатерина Алексеевна была мягче, могла позвонить, сказать: «Забирайте вы этого еврея и уезжайте!». Речь шла о Яковсоне, о моей с ним постановке в Ла Скала.

Вех. Москва. — 1998. — 9 июня. — с. 7.

лись к коммунистам. Это так?

— Я не хочу полемизировать с этим господином. Как то по телевидению он вопрошал: «Неужели мы отдадим русский театр этому израильянину?». Поэтому с ним — никаких полемик. В этом театре бывали и Энрико Берлингер, и Луиджи Лонго, и Клаудио Абадо. Да, там коммунисты, но для меня эта

руну капитализма, и он такой же безумный, как был коммунизм. Вот от этого безумия театр и должен хоть как-то удерживать, успокаивать.

— Чем вы сейчас заняты?

— Мое желание — сделать для Александра Исаевича Солженицына, когда ему грохнет 80, «В круге первом». Дальше хочу сделать с

Туалет в кабинете Любимова соорудили к приезду Брежнева

компания была более приятной, чем советское Политбюро. Это были более образованные и более грамотные люди. Они просто меня понимали и приглашали работать. Приглашали не из симпатии, а из-за моего умения работать.

— Ощущаете ли вы себя в какой-то мере советским человеком?

— Наверное, в какой-то степени. Но я 6 лет работал за рубежом, лишенный советского гражданства, то есть какое-то время я считал, что так и буду жить там до конца своих дней. Какой же тут советский человек? Я более освобожден от советчины, но, конечно, во мне много есть советского. К сожалению.

— Что в вашей работе там коренным образом отличалось от работы здесь?

— Сроки. Я должен был ставить оперу в 5—6 недель, драму — в 7—8 недель. И вышел я только благодаря тому, что умел работать на их уровне. И когда меня бесчисленные репортеры там спрашивали,

композитором Мартыновым, с которым я подружился, «Апокалипсис» — Откровения Иоанна.

— А вы не боитесь, Юрий Петрович, что после постановки «Откровений» у вас могут возникнуть проблемы с Церковью?

— Я надеюсь, не начнут. Композитор Мартынов — человек церковно образованный, пишет книги о духовном песнопении, знает свое дело.

— Вы, как раньше принято было говорить, «безродный космополит»: «прописаны» в Иерусалиме, работаете в Москве, жена — венгерка, сын учится в Кембридже. Где все же ваш дом?

— Во-первых, я в космополитизме не вижу ничего плохого. Во-вторых, считаю Иерусалим святым городом — там все религии сошлись, поэтому и по Библии у него сложная судьба. А работаю в Москве, потому что здесь театр, который я строил и создавал.